

**ОТЗЫВ**  
**официального оппонента**  
**на диссертационное исследование Родина Кирилла Александровича**  
**«Этика Л. Витгенштейна в контексте постметафизики**  
**логико-философского трактата»,**  
**представленное на соискание ученой степени кандидата философских**  
**наук по специальности 09.00.03 — история философии**

Диссертация Родина посвящена важной теме основам философии Витгенштейна и тема эта представлена в качестве актуальной по нескольким причинам: во-первых, предложена ясная и последовательная трактовка основных терминов и положений «Логико-философского трактата». Во-вторых, автору удалось избежать жанрового противопоставления между «аналитической» философией и философией «континентальной», и в этом мы видим особую удачу представленной к рассмотрению работы. В-третьих, предпринята серьезная и вполне успешная попытка проследить связь логических принципов Трактата с этическими тезисами Витгенштейна. Последнее обстоятельство представляется особенно ценным, поскольку работ, столь скрупулезно рассматривающих этические экспликации философской позиции Витгенштейна, на русском языке совсем немного, и диссертация Кирилла Александровича восполняет этот досадный пробел.

К несомненным достоинствам диссертации К. А. Родина следует отнести отчетливость логической структуры работы. Автор последовательно задает контекст тезиса о невыразимости этики и затем раскрывает его содержание, обращаясь к текстам Витгенштейна, сопоставляя их с этическими концепциями А. Шопенгауэра и Л. Н. Толстого.

Диссертация Кирилла Александровича имеет и несомненные признаки того, чем должны отличаться сочинения подобного жанра — новизны. Помимо указанной связи между логикой и этикой Витгенштейна, в этой связи следует отметить и описание теории материальной экспликации, которая в первой главе привлекается автором для иллюстрации понятия «внутренне отношение между вещами», и очень удачное описание понятие Бога в структуре логики раннего Витгенштейна, и, что нужно особо отметить, развернутую демонстрацию того, почему заключительные слова Трактата не следует понимать в апофатическом смысле. Логика автора здесь такова: молчание, о котором говорит Витгенштейн, следует понимать не как особый вид деятельности (не как отдельную область реальности), но только в том смысле, что молчание есть лишь указание на те границы, которые проведены самим миром понятного, в отличие от мира бессмысленного или несуществующего. Молчание — не преимущественный язык дескрипции

Бога, но лишь знак установленного, или, как это сказано в первой фразе Трактата, «выпавшего»: мир есть то, чему выпало быть. Сохраняются ли в этом молчании какие-то черты апофатического? Диссертант уверен, что нет, и несколько раз это повторяет. Однако это не так уж и очевидно и, возможно, именно затрудненность отрицания апофатической характеристики Трактата заставляет диссертанта повторяться. Соображения, на которые указывает и сам диссертант, таковы: во-первых, границы логики, тождество и противоречие, устанавливаются вовсе не в завершение Трактата, эти границы входят в состав описания логики, как ее понимает Витгенштейн. Диссертант же говорит еще об онтологических границах (с. 57), помимо логических, но либо онтология неотличима от логики и тогда заключительная фраза Трактата попросту неуместна, либо онтологию следует понимать исключительно как границы «моего» языка — но и в этом случае имя онтологии оказывается избыточным. Во всяком случае, здесь есть интрига, к которой автор диссертационного исследования постоянно возвращается, и нельзя сказать однозначно, разрешает ли он ее. Если эту интригу интерпретировать исключительно в терминах этики — то да, вполне, работа, проделанная К. А. Родиным здесь вызывает доверие, если же онтологическое не сводимо ни к этическому, ни к теологическому, то интрига сохраняется.

Внутренний сюжет диссертационного исследования основывается на двух отказах: отказе от метафизики в пользу постметафизики и отказе от трансцендентализма в пользу особым образом понятого солипсизма. Если первый отказ, установленный благодаря отмежеванию от термина «антифилософия», который А. Бадью дает концепции Витгенштейна, производится на протяжении всей работы и связан с экспликацией термина «внутреннее отношение», то второй призван раскрыть этику раннего Витгенштейна.

Именно последовательно проведенный отказ от трансцендентальной позиции позволяет диссертанту эксплицировать этику раннего Витгенштейна. Говоря о влиянии вероучения Л. Н. Толстого на Витгенштейна, автор не столько прослеживает эти влияния, сколько находит почти буквальные соответствия в тексте, при этом интерпретация творчества самого Толстого остается за рамками подробного рассмотрения, и все же играет важную, если не ключевую роль. По всей видимости, это единственно возможная стратегия в границах обозначенной темы и в выбранном формате аналитического, а не биографического исследования. В противном случае пришлось бы как подробно разбирать жизненный путь русского мыслителя и его записи, в дневниках и в работах, подготовленных к печати, так и проследить непростые жизненные перипетии Витгенштейна, строя предположения, подтверждая их свидетельствами современников,

замечаниями самого Витгенштейна, цитатами из работ как раннего, так и позднего периода. Без всего этого «влияние» русского мыслителя на австрийского предстает скорее схемой, неким кратким уравнением, но, повторюсь, в рамках, поставленных общей логикой представленного диссертационного исследования, получившаяся картина выглядит вполне органично. Кроме того, благодаря экскурсу в учение Толстого автору все же удается если не задать определенное понятие, то вполне отчетливо показать смысл того, что в диссертационном исследовании графически обозначено как «мой мир». Если следовать понятийной развертке, то остается неясно, какими условиями задается этот мой мир. Если эта графическая идиома — это *private language*, то означает ли это, что «моё» мира складывается случайно-эмпирически, или задано выбором языковой игры, отделяющей «моё» от чужих миров? Принцип приватности мира остается непроясненным. Однако в итоге получается неожиданная, но радостная картина: не столько Трактат проясняет сочинения графа Толстого, сколько Толстой, после проделанной диссертантом, несомненно, основательной и убедительной работы оказывается удачным интерпретатором Трактата. С этим нашим наблюдением, впрочем, согласен и сам диссертант (с. 126).

Хочется указать на некоторые недостатки представленной работы. Прежде всего, к ним следует отнести плохо прослеженную связь Витгенштейна с философской традицией Нового времени. Так, на с. 81 сказано: «То Я и моё, мой мир, которые находим в Трактате, не имеют отношения к субъекту новоевропейской философии (солипсизм Витгенштейна не имеет никакой связи с тем солипсизмом, который исходит из субъектно-объектного противопоставления)». Субъект-объектное противопоставление как раз не свойственно новоевропейской философии. Сами термины, субъективное и объективное, употребляются в философии Нового времени вовсе не в смысле их противопоставленности. Только благодаря Канту такое противопоставление начинает быть значимым. Тогда как для Декарта, Лейбница, Гоббса, Спинозы мыслящий вовсе не противопоставлен некоему «объекту», напротив, мыслящий (воспринимающий) обретает отчетливость и ясность мысли о предмете благодаря тому, что и предмет мышления и тот, кто воспринимает соподчинены общему началу, каковое и составляет основной интерес упомянутых мыслителей — как и для Витгенштейна, отыскивающего начала этического знания. Автор диссертационного исследования ведь приводит высказывание Витгенштейна (с. 78-79), в котором тот говорит о глубине Беркли и Канта, в отличие от подробно разбираемого в диссертации Шопенгауэра. И если бы такая связь между новоевропейской метафизикой и философией Витгенштейна была прослежена, доктрина раннего



Витгенштейна не оказывалась бы подвешена в некоем вакууме, а тезисы его этики могли бы получить более развернутое звучание благодаря такому сопоставлению, подобно тому, как это произошло в случае с обращением к вероучению Л. Н. Толстого.

Второе замечание вытекает из первого: понятие «метафизики», как и понятие «внутреннего отношения» между вещами принимается автором диссертации скорее некритически, в избыточной доверии к тексту Витгенштейна. В итоге «бессмысленность» философских терминов, о которой говорит Витгенштейн, и стигматизация которой объявляется в Трактате программной задачей, смешивается с бессмысленностью-невыразимостью этического и религиозного, так что в итоге под вопросом оказывается декларируемая в диссертации «пост»-метафизическая позиция автора Трактата.

Высказанные замечания, или даже поставленные вопросы, не ставят под сомнение результаты работы и не способны изменить то общее, бесспорно, положительное впечатление, которое производит данное диссертационное исследование.

Автореферат и публикации автора отражают содержание диссертации.

На основании вышесказанного считаю, что диссертация Родина Кирилла Александровича «Этика Л. Витгенштейна в контексте постметафизики логико-философского трактата» полностью соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям по философии, а её автор заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

Кандидат философских наук,  
доцент кафедры философии религии и религиоведения  
Института философии СПбГУ

Малышкин Е. В.

14.04.2014

